



РЕКА ВОСПОМИНАНИЙ

Людмила **ТОЛКИШЕВСКАЯ**

ЛЮДИ, ВЕЩИ, СЛОВА

*Когда на свет безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса бывшего -
Утраты все приходят мне на ум.
И старой болью я болею снова.*

Шекспир

В моем ближайшем окружении люди мало смотрят телевизор. Вернее, почти совсем не смотрят. Заняты работой, а главное, особо не вдаваясь в рассуждение, они думают, что телевидение в настоящее время не способствует воспитанию в человеке тех самых «добрых чувств», которые два века пробуждала великая русская литература. И поэтому, если я проговорюсь родным, что я смотрю телевизионный сериал, на меня посмотрят с жалостливым недоумением. И вот я, что называется, «втихую» довольно давно смотрю сериал, в названии которого есть почти забытое в наше время слово «благородство». Немного наивный, с небольшими историческими неточностями, но светлый в своей простоте фильм согревает душу. Талантливые актёры и такие прекрасные, юные, «незамыленные» на экранах женские лица, чудные, подчеркивающие женственность платья. И в моей памяти всплыл один из эпизодов уже такой долгой жизни.

В 1949 году отец, прошедший две войны, служил на одном из аэродромов под украинской Винницей. Семья наша, состоящая из отца, мамы, бабушки и меня с годовалой сестрой, жила на частной квартире, в одной комнатке украинской белой хатки. Хозяйева её - старик с длинными казачьими усами и дородная старуха - занимали вторую комнатку, с печкой. В сенях стоял большой жернов, на котором женщины всякий свободный от домашней работы час мололи пшеницу и кукурузу. А вечером, сев на большой, расписанный красными мальвами сундук, грызли зерна кукурузы, горстями бросая ее на уже прогоревшую плиту. И вот в один из таких вечеров старик Сазонич, лежавший за печкой, попросил меня спеть. Я, до сего времени грызшая жареную кукурузу и размышлявшая о

том, можно ли вытащить деревянную кукушку из больших старых часов, запела. Пела я, помню: *«Стоит гора высокая/ Потид горою гай, гай.../ Зеленый гай, густэсенький,/ Нэначе справди рай!...»*

Когда же я кончила петь, старая Демьяновна, приговаривая, что «дивчина чисто артистка», открыла тяжелый сундук и вытащила из него роскошное, как мне показалось, огромное платье и надела его на мою домотканую рубашонку, приказав поддерживать платье на плечах за чудное чуть пожелтевшее от времени кружево! Я, совершенно потрясенная, пыталась удержать на себе своими тонкими ручонками тяжелое платье, горкой серебристо-серого шёлка лежавшее у моих ног на глинобитном, пахнувшем полыньёю полу. «Платье-то с тюнрюром!» - ахнула изумленная бабушка. «С подбором, с подбором!» - подтвердила старая Демьяновна. «После свадьбы Сазоныч мне на ярмарке в Киеве купил. Сказал, что пусть у меня хоть какая-то барственная оде́жа будет, а то я всё в спиднице, да в спиднице...». «А ты так вот и надела», - ответил Сазоныч, и из глаз его по морщинистому тёмному, как кора старого тополя под окошком хаты, лицу покатились слеза. И я снова запела.

«Ой не світи, місяченьку, та й на той перелаз./ Ой не світи, місяченьку, та й на той перелаз./ Вийди, вийди, мій миленький,/ до мене ще хоч раз!...» - тоненько звенела я, семилетняя, и на стариковском лице одна слеза догоняла другую. А вот старые женщины не плакали. Их большие карие глаза с великой печалью глядели на меня, послевоенного заморыша, нелепо утонувшего в шёлке прекрасного старого платья, и на их пытавшихся улыбнуться лицах светилась надежда. На что надеялись, что ждали они от своих оставшихся немногих лет, что ждали от меня и для меня эти две старухи, головы которых так гордо оттягивали тяжёлые пучки седых волос?! Что было в этих лицах такого, что я помню их через шестьдесят пять лет?! Ведь только став взрослой, из реки времён увидев женщин, сидящих на цветастом сундуке, я ужаснулась их жизни, поняла и оценила её. Рожденные в конце XIX века, они пережили и потеряли близких в революцию, кровавую «гражданку», в двух гибельных мировых войнах, не растеряв при этом то, что делает человека человеком. Доброту и нерастраченную совесть. Наверное, поэтому так много людей из их поколения сохраняли гордую старческую красоту. Вглядитесь в старые фотографии... Удивительно, что, будучи ребёнком, я так запомнила взгляды стариков, надежду в их глазах. Эта память всю мою жизнь ко многому меня обязывала...

Ко многому обязывает нас и произносимое нами «А ведь люди знают силу слова...». У любимого мною Тютчева есть гениальное стихотворение: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...». Но сколько их, больно ранивших слов, произносит и слышит человек за свою жизнь! Часто сказанное тобой бумерангом возвращается к тебе же, и особенно горько бывает, когда ты запоздало понимаешь произошедшее и когда уже невозможно попросить прощения.

Возвратясь после службы в Польше, отец привёз мне подарок – портфель. Не совсем понятного цвета, то ли чёрный с зелёным отливом, то ли наоборот. Тонкий, тисненой кожи, с двумя блестящими застёжками, портфель был красив. Очень красив и очень

велик. А, учитывая мой малый рост, для меня просто огромен. Но в семье не было принято капризничать, к тому же портфелем все восхищались.

Так что уже в маленьком, заросшем сиренью волжском Вольске, в шестой класс своей женской школы я пошла с красивым и почти волочащимся по земле портфелем. Девочки в школе вещами избалованы не были, учителя портфель даже хвалили, и меня никто не дразнил. Зимой стало хуже. Портфель так волочился по снегу, что за мной оставался след наподобие тонкой лыжни. А мне нужно было проходить мимо большой мужской школы, «школьного дворца», как называли ее в городе. Здание школы было и впрямь настоящим дворцом, подаренным городу богатым купцом в память о дочери. Так вот, завидев меня, на ограде школы повисали десятки мальчишек и оглушительно вопили одно слово - «министр». Ну, разумеется, при этом все хохотали и показывали на меня пальцами. Вскоре ко мне и на большом дворе военного городка прочно пристала кличка Министр. Через год женские и мужские школы объединили, а ещё через год я как-то сразу подросла, и мальчишки с ветками поломанной сирени стайками стали ходить за мной и носить до дома уже всем известный портфель. Но ненавистная мне кличка так и осталась за мной.

А ещё через десять лет, провожая сына в школу, в первый класс, я в разговоре сказала маме, что замечательно, удобно носить появившиеся ранцы и не придётся таскать неудобные портфели да ещё такие огромные и уродливые, как был у меня. «Как из крокодиловой кожи!» - добавила я. Мама, удивлённо посмотрев на меня, обиженно произнесла: «Почему же «как»? Твой портфель был из настоящей крокодиловой кожи, с позолоченными застёжками, а что большой - так ведь такие вещи не покупают на один год. Вещь стоит очень дорого». Я, что называется, опешила. Старая обида на в общем-то безобидную детскую кличку неожиданно, с непонятной яростью вспыхнула во мне. И я начала кричать на маму. «Зачем, зачем мне нужен этот дурацкий дорогой портфель?! Да он даже в парту не влезал! Я пять лет таскала такую тяжесть, и надо мной весь город смеялся. Ну конечно, вы не видели, не знали. Да вам до меня никогда и дела не было!» - кричала я. А побледневшая мама продолжала передо мной оправдываться: «Дорогой, из крокодиловой кожи...» Я видела, что мама начинает бледнеть и уже тихо, но, что ещё хуже, с утрюмой злостью, продолжала: «Ну и где сейчас этот чёртов портфель? Ах, папа замполиту подарил! Ничего, ну ничего в этой семье не держится!» У мамы стали закрываться глаза, и она качнулась в сторону дивана. Бабушка до вечера отпаивала маму валерьянкой. Ночью я, стоя у постели, вглядываясь в мамино как-то враз осунувшееся лицо с заострившимся носиком, просила у неё прощения, скулила, как провинившийся щенок, а мама слабым шёпотом тоже за что-то просила прощения и всё отсылала меня спать... Прошло много лет, а это не забывается.

На кладбище, у дороги, стоит надгробная плита с надписью: «Спасибо Богу, что у меня была такая мама». Проходя мимо, я каждый раз вслух читаю эти слова, чтобы потом, стоя у маминого креста, повторить их.